

«СЧИТАЯ ВОПРОС РАЗРЕШЁННЫМ»: ЛАТИНИЗАЦИЯ ТЮРКСКИХ АЛФАВИТОВ И ТАТАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ БУКВАРЬ КОНЦА 1920-х – 1930-х гг.¹

«CONSIDERING THE QUESTION TO BE SOLVED»: LATINIZATION OF THE TURKIC ALPHABETS
AND THE TATAR NATIONAL PRIMER AT THE END OF THE 1920s – 1930s.

Сальникова А.А.

Заведующая кафедрой историографии,
источниковедения и методов исторического
исследования Казанского (Приволжского)
федерального университета, доктор
исторических наук, профессор.

E-mail: Alla.Salnikova@ksu.ru

Salnikova A.A.

Head of the Department of Historiography,
Source Study and Methods of Historical Writing
at Kazan (Volga Region) Federal University,
Doctor of History, Professor.

E-mail: alla.salnikova@ksu.ru

Галиуллина Д.М.

Доцент кафедры историографии,
источниковедения и методов исторического
исследования Казанского (Приволжского)
федерального университета, кандидат
исторических наук, доцент.

E-mail: galiullinadm@mail.ru

Galiullina D.M.

Associate Professor in the Department
of Historiography, Source Study and Methods
of Historical Writing at Kazan (Volga Region)
Federal University, Doctor of History, Candidate
of Science (History).

E-mail: galiullinadm@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен процесс введения в середине 1920-х гг. яналифа – алфавита на основе латинской графики – в качестве официальной письменности татарского языка, перипетии той борьбы, которая развернулась вокруг нового алфавита, и их влияние на татарский национальный букварь второй половины 1920-х – 1930-х гг.

Annotation. The article analyses the process of introduction in the mid-1920s of yanalif – an alphabet based on the Latin script – as an official Tatar written language, twists and turns of struggle which took place round the new alphabet, and their influence on the Tatar national primer at the end of the 1920s – 1930s.

¹ Работа поддержана грантом РГНФ 10-06-01113а.

Ключевые слова: татарский алфавит, латинизация, «графическая революция», татарский национальный букварь, 1920–1930-е гг.

Key words: Tatar alphabet, latinization, “script revolution”, Tatar national primer, 1920s – 1930s.

*Латиница – система татарского письма, основанная на латинском алфавите.
Татарская энциклопедия.*

15 сентября 1999 г. Государственным Советом Республики Татарстан был принят Закон «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики». Предполагалось, что с 1 сентября 2001 г. алфавит этот в Республике Татарстан станет государственным, сосуществуя с кириллицей вплоть до 2011 года, а затем полностью вытеснит и заменит ее. Одним из важнейших и первостепенных шагов в реализации закона являлся переход на буквари с латинским шрифтом, начиная с сентября 2001 года, что потребовало немедленного создания нового татарского «латинизированного» букваря. И такие буквари были действительно созданы [15, с. 277–281, 308–316].

Закон этот, порождённый новой общественно-политической ситуацией, сложившейся в постсоветской России и в Татарстане, в том числе, и непосредственно связанный с процессом «суверенизации», имел, между тем, свою давнюю предысторию. И не случайно речь в нём шла не о «введении», а о «восстановлении» латиницы применительно к татарскому языку. Подобный опыт уже имелся.

Другое дело, что о какой-либо аналогии не могло быть и речи: предшествующая латинизация татарского алфавита, пришедшаяся на конец 1920-х – 1930-е гг., явилась порождением и следствием совершенно иных социально-культурных и политических обстоятельств, была инициирована совершенно иными политическими акторами и исходя из совершенно иных политических посылок, была обоснована совершенно иными политическими аргументами. Однако и тот, и другой «революционный переворот» в татарской письменности повлёк за собой появление новых «латинизированных» букварей, отличавшихся от своих предшественников, написанных на арабском (во время первой латинизации) или кириллическом (во время второй латинизации) шрифте, не только по форме, но и по содержанию.

Прекрасно осознавая всю сложность и даже потенциальную опасность проведения любых исторических параллелей, все же попытаемся дать ответ на некоторые вопросы. Насколько значимым для истории развития татарского букваря явилась его первая латинизация? Как она способствовала продвижению и внедрению в сознание детей и взрослых новых политических установок и идей? Насколько успешной оказалась реализация этого проекта с точки зрения властных устремлений? И, наконец, в какой степени опыт 1930-х годов мог быть учтён в 2000-е гг., да и возможно ли было учесть его вообще? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим татарские буквари на латинице для детей и взрослых, изданные в конце 1920-х – 1930-е гг., уделив особое внимание их внешнему виду,

их облику, их иллюстративному наполнению, поскольку именно смена формы (в том числе и графики) во многом несла в себе в то время их «революционизированное» и «революционирующее» содержание.

* * *

История введения в раннесталинской России яналифа – алфавита на основе латинской графики в качестве официальной татарской письменности татарского языка, перипетии той борьбы, которая развернулась вокруг нового алфавита в середине 1920-х гг. и ее результаты нашли своё отражение как в исследовательской, так и в учебной и справочной литературе, а также в документальных сборниках [см., напр. 5; 10, с. 351–352; 12; 18; 19, с. 132–133, 153–156; 20; 22, с. 571–572; 24; 25 и др.]. Однако представляется необходимым вновь остановиться на этом вопросе, поскольку реформирование татарского букваря и окончательная «перекройка» его на советский лад в конце 1920-х и на протяжении всех 1930-х гг., вплоть до отмены латиницы в 1939 году, находилась в прямой зависимости от этого процесса и являлась его непосредственным отражением и результатом.

Считается, что впервые вопрос о возможности и желательности перевода письменности татарского народа с арабской на латинскую графику был поставлен еще в начале 1910-х гг. известным татарским поэтом, писателем и публицистом Сагитом Рамеевым [40, этот проект был тесно связан с идеологией джадидизма]. Им же был впервые разработан и некий вариант латинского алфавита, пригодный для татарского языка (об этом см. [6, с. 317]). Но это был лишь некий «пробный проект», с негодованием встреченный «арабистами» и, конечно, весьма далекий от своего воплощения в повседневной жизни и учебной практике.

Однако не прошло и десяти лет, как идея о необходимости скорейшего проведения «азбучной реформы» как логического продолжения тех изменений, в которые Россия уже вступила, «приняв новый календарный стиль и метрическую систему мер и весов», была высказана уже большевиками, причем применительно не только по отношению к тюрко-татарским, но и «ко всем народностям, населяющим территорию Республики», в том числе и русскому².

Хотя, начиная с 1920 г., в Советской Татарии шел процесс упрощения и изменения употребляемой в татарском языке арабской графики, что нашло свое отражение в специальном Декрете СНК ТАССР от 19 декабря 1920 г., а также в ноябрьском 1925 г. постановлении Наркомата просвещения ТАССР (об обязательном переходе на «новое письмо» – яналифа – всех советских учреждений, школ и периодической печати), параллельно с ним на волне советских преобразований разворачивалось и движение в поддержку латинизации. Так, в том же 1920 году на состоявшейся в Казани конференции татаро-башкирских журналистов был прямо поставлен вопрос о переходе на латинский алфавит, а в 1924 году в 6-й Объединенной татаро-башкирской командной школе была создана первая ячейка латинистов [22, с. 571]. К началу 1925 года добровольные кружки по изучению латиницы

² Именно так она была сформулирована, в частности, в материалах Научного отдела Наркомпроса в 1919 году (URL:http://Stalinism.ru/Documentyi/Kak_Stalin_zachitil_russkiy_yazyik.html).

в ТАССР насчитывали в своем составе уже около 1000 человек [22], хотя специальных букварей на латинице для них тогда еще не существовало. Инициаторами и проводниками идеи латинизации татарского письма выступали, прежде всего, некоторые татарские коммунисты.

В частности, активными членами Всетатарского общества «друзей латиницы» «Латин дусты», возникшего в 1924 году при Коммунистическом клубе Казани, регулярно проводившего диспуты «о латинизации татарского языка» и даже распространявшего листовки, написанные на латинском шрифте, были татарские политические и общественные деятели, писатели и журналисты Ш. Усманов, Ш. Измайлов, З. Гали [7; 22]. Среди перечисленных хотелось бы особо отметить выдающегося татарского военно-политического деятеля и писателя Шамиля Усманова, в бытность которого комиссаром упомянутой выше Объединенной татаро-башкирской командной школы (1921–1925 гг.) там и была создана первая в Татарии ячейка латинистов. По существу, Ш. Усманов возглавил в тот период возникшее в Татарской Республике движение за латинизацию татарской письменности. Как писал в 1924 г. в своей корреспонденции в газете «Красная Татария» рабкор Ф. Саллави, арабская азбука должна была стать «музейной вещью», а движению за латинизацию, «начавшемуся с кружковщины», предстояло захватить широчайшие массы – «ведь история большевизма началась тоже с кружков» [24, с. 168].

Одним из основных аргументов, выдвигаемых сторонниками латинизации, было неполное соответствие арабской графики фонетическим особенностям татарского языка³. Однако научные аргументы являлись в данном случае отнюдь не главными: их заслоняли аргументы политические. Весьма весомым и убедительным среди них была сложность овладения арабским письмом в условиях всеобщей, полной и ускоренной ликвидации неграмотности в СССР. По суждению известного русского советского лингвиста Е. Д. Поливанова, «графические революции» выполняли «весьма серьезную задачу демократизации национальных письменностей, – а, следовательно, и культур – путем радикального «режима экономии» в отношении времени и труда, тратимых и учащимися и учащими в обучении родной грамоте (ибо уничтожение излишних, ничем не оправдываемых и ничем, кроме исторической инерции и традиционности, не объяснимых трудностей письма, намного – в известных конкретных случаях во много раз сокращает время начального обучения, чем, конечно, оказывается наилучшая из возможных помощь ликвидации неграмотности, – тому наиважнейшему делу, от которого зависит все будущее нашего Союза)» [14].

В случае с Татарской Республикой в расчет совершенно не принимался тот факт, что грамотность татарского населения и до революции, и в первые годы советской власти была достаточно высокой: согласно переписи 1926 г., среди татарского населения Татарской Республики грамотными (естественно, на арабском алфавите) были 40,3% мужчин и 27,6% женщин [4]. По некоторым данным, в 1926 году татары занимали первое место среди народов СССР по процентному показателю умеющих читать и писать (на родном языке).

³ Впрочем, как иронично отмечал известный специалист в области изучения истории Татарстана Б.Ф. Султанбеков, «настоящих и мнимых пороков арабской графики было не больше, чем, допустим, у китайской или японской» [20, с. 123].

Однако в новых политических условиях такая грамотность не только не поощрялась, но даже порицалась: ведь она считалась грамотностью «коранической» и прямо ассоциировалась с письмом Корана, с «отсталой» религиозной исламской традицией, которой в новом советском обществе не было места. Переход к латинской графике означал разрыв и в светском культурном континуитете: «буржуазная» дореволюционная светская национальная культура оказалась мало востребованной и по существу ненужной строителям «новой советской жизни».

Подчеркивая откровенно «контрреволюционную сущность» старого арабского алфавита, большевистские идеологи расценивали продвижение «латиницы» как особую форму классовой борьбы, «борьбы классов пролетариата и беднейшего крестьянства – как класса, строящего социализм и борющегося за создание новой, национальной по форме и социалистической по содержанию, культуры – с классом отмирающим, доживающим свои последние дни и борющимся с ними не на жизнь, а на смерть – классом, организуящим все контрреволюционные антисоветские элементы, начиная от буржуазии и духовенства всех мастей и кончая национальной шовинистической интеллигенцией» [14]. Кириллица (или, как довольно часто называли ее в 1920-е – 1930-е гг., «русский шрифт»), ассоциировавшаяся у нерусских народов России с ассимиляторской политикой царского правительства, насильственной русификацией и христианизацией, для нового алфавита была табуирована: по сравнению с ней латиница выглядела более «нейтральной».

Требования, порожденные задачами текущего политического момента, были овеяны флером революционного романтизма: казалось, что победа мировой революции уже близка, и новый «интернациональный» латинский алфавит будет способствовать более быстрому и успешному воплощению в жизнь известного лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (Об этом см. также [16].) Недаром движение за латинизацию татарского алфавита шло параллельно с овладением другим единым языком «мирового пролетариата» – эсперанто. Как известно, тот же Шамиль Усманов был страстным и ревностным эсперантистом. Веру в неограниченные возможности этого искусственного языка он пронес через всю жизнь.

Однако в Татарии в то время, наряду со сторонниками латинизации, было и немало ее противников, и не только среди мусульманского духовенства. Передовые деятели татарской культуры ясно видели тот разрыв культурной преемственности, который повлечет за собой будущая «графическая революция».

Отдельные представители татарской интеллигенции прямо связывали латинизацию с политикой русификации, рассматривая латинизацию лишь как переходный этап к русской графике. Так, известный татарский историк и общественный деятель Х. Атласи называл введение латинского шрифта «полустанком на переходе к кириллице» [21, с. 249]. Кроме того, предлагаемое нововведение по существу сводило на нет ту значительную работу, которая была уже проделана в области реформирования прежнего арабского алфавита с целью приспособления его к звуковым особенностям татарского языка (об этом см. [14]).

⁴ С.-А. Агамалы-Оглы (1867–1930) – государственный и политический деятель, председатель ЦИК Азербайджана, лидер алфавитной реформы, проводившейся в Азербайджане в 1920-е гг.

Острая дискуссия по вопросу о принятии «латиницы» развернулась на 1-м Тюркологическом съезде, проходившем в Баку в феврале – марте 1926 года. В своем докладе, сделанном на съезде, известный татарский общественно-политический деятель, языковед, автор одних из первых, изданных в том же 1926 году, новых советских татарских букварей «Яна авыл» («Новая деревня») и «Якты юл» («Светлый путь», для крышенских школ на основе арабской графики) Г. Шараф резко выступил против латинизации татарского алфавита.

Аналогичное мнение, правда, выраженное не столь категорично, выразил в своем содокладе и глава татарской делегации, председатель Академцентра ТАССР, писатель и общественный деятель, автор одного из первых советских учебных пособий по изучению татарского языка «Родной язык» (1919 г.) Г. Ибрагимов [13; 17; 23; 33; 34]. Не отрицая возможности перехода на латинский алфавит у тех народов, которые не имели на тот момент развитой письменности, он показал нецелесообразность подобных преобразований у татар, веками пользовавшихся арабской графикой, ставшей неотъемлемой частью их культуры. (Об участии татарской делегации в работе I Тюркологического съезда см. подробно: [20, с. 124–128].) Несмотря на явно или подспудно выраженное несогласие большинства представителей делегации с предполагаемой реформой, съездом было принято решение о введении латинского алфавита у тюркских народов СССР. Правда, высказано оно было не прямо, а косвенно, в форме безусловной поддержки и необходимости учёта имеющегося на тот момент у различных республик, прежде всего, у Азербайджана, опыта в области латинизации [20, с. 126–127].

На состоявшемся 8 апреля 1926 г. VI Съезде Советов ТАССР в целях «распространения нового татарского алфавита среди широких рабоче-крестьянских масс» было создано общество «Яналиф» (аббревиатура, переводящаяся как «Новый алфавит»), которое и предложило принятый впоследствии проект нового татарского «латинизированного» алфавита и орфографии [6, с. 321].

Однако противники латинизации еще не прекратили борьбу. В партийных и советских документах того времени Казань нередко именовалась «главным очагом арабизма», где угнездились «явные и тайные враги социальной реформы на Советском Востоке» [1]. В подтверждение этому обычно приводилось знаменитое письмо «82-х»⁵ – обращение 82-х представителей беспартийной татарской интеллигенции к III Пленуму ОК ВКП (б) Татарской Республики, в котором переход на латиницу объявлялся «дорогой и унижительной массовой жертвой», «приносимой для совершенно неизвестной цели»⁶. Копия письма была отправлена И. В. Сталину. Однако пленум расценил сам факт подачи этого документа как «показатель роста активности буржуазно-националистических элементов, направленных против ВКП», и постановил «по существу вопроса о латинизации тюркских алфавитов суждения не иметь, считая вопрос решенным» [19, с. 153]⁷.

⁵ Впервые этот документ был опубликован в книге Б.Ф. Султанбекова [18, с. 126–131].

⁶ III пленум Татарского областного комитета ВКП(б). 16–19 мая 1927 года. Стенографический отчет ОК ВКП(б). – Казань, 1927. – С. 154. Цит. по: [19, с. 155].

⁷ Полный текст письма и подробный комментарий к нему см. [18, с. 122–131].

3 августа 1927 г. постановлением ЦИК и СНК ТАССР яналиф был объявлен официальной татарской письменностью. В 1927/1928 учебном году обучение на яналифе вводилось в школах II ступени. При Наркомпросе создавались курсы по переподготовке татарских учителей. С 1928/1929 учебного года алфавит на основе латиницы вводился уже во всех учебных заведениях, находившихся в ведении Наркомпроса (Постановление ЦИК и СНК ТССР «О мероприятиях по введению латинского шрифта татарской письменности» от 8 февраля 1928 г. [24, с. 173]).

Реформирование алфавита потребовало создания новых учебников, написанных на латинской графике, в том числе и букварей, которые следовало издавать массовыми тиражами, с тем, чтобы удовлетворить потребность школ в учебной литературе. В пункте 3 вышеуказанного Постановления 1927 г. специально указывалось на необходимость принятия мер «к изданию соответствующих учебных пособий» [24]. От Татиздата и Полиграфтреста власти республики требовали интенсифицировать выпуск учебников по яналифу для татар, а также «срочно подготовить и издать» такие учебники и «для изучения татарского языка нетатарами» [24, с. 175–176]. Программа курсов и кружков для взрослых-нетатар включала в себя первоначально обязательное чтение «печатной и письменной части букваря», а затем, после овладения лексическим минимумом, написание на яналифе сочинений на темы: «Наше учреждение», «Наш завод», «Наш рынок», «Аптека», «Магазин» и тому подобное [24, с. 198].

В документах отмечалось, что кампания по ликбезу на яналифе должна охватить не менее 100 тыс. человек. К 1926 г. в Татарии насчитывалось более двух тысяч начальных и средних школ с контингентом в 158 тыс. человек, причем половина из них – татарские [10, с. 357]. Неудивительно, что тираж первого татарского букваря на яналифе, выпущенного в 1929 году, с учетом всех четырех переизданий и допечаток, составил 110 тысяч экземпляров [7].

Буквари для взрослых были не менее востребованы, чем буквари для детей, поскольку вся татароязычная делопроизводственная документация отныне должна была вестись только на яналифе, а лица, владеющие яналифом, имели преимущества при поступлении на службу (Постановление ЦИК и СНК ТССР «О мероприятиях по переводу делопроизводства на яналиф» от 14 ноября 1928 г. [24, с. 177]). Даже пишущие машинки были переведены на яналиф.

Задача воспитания подрастающего поколения в духе новой советской идеологии была реализована уже в первых советских татарских букварях, написанных на арабской графике [26; 27; 43]. Тексты религиозного содержания заменили текстами о Ленине, о других лидерах партии большевиков (в частности, о М. Калинин и М. Фрунзе), о советской власти, об Октябрьской революции. Если раньше все татарские буквари начинались со священных для каждого мусульманина слов «Бисмилләһир – рәхмәһнир – раһим» («Во имя Аллаха милостивого и милосердного»), то теперь первую страницу учебников украшал лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Дореволюционные учебники никогда не делили людей на богатых и бедных, ставя на первое место нравственное воспитание подрастающего поколения в традициях ислама. Отныне же социальная дифференциация («бедные»/«богатые» как «свои» и «чужие»)

была обозначена в учебниках даже для самых маленьких достаточно чётко и определённо. В визуальный ряд советского татарского букваря пришла советская символика: портреты В.И. Ленина и других большевистских лидеров, флаг советского государства, красная звезда и пр., причем визуальные «тексты» были гораздо более «осовечены» по сравнению с текстами вербальными.

Эти новые тенденции, без сомнения, следовало сохранить и преумножить в «латинизированных» татарских букварях, которые были рассчитаны не только на обучение, но в значительной степени и на пропаганду достижений советской власти, направленную как на тюркоязычные народы России, так и на трудящихся зарубежных стран. Унификация (латинизация) графики многократно увеличивала в данном случае потенциальный контингент пользователей букваря и возможность приобщения к новому советскому опыту.

Переход с одного вида графики на другой был необычайно трудной задачей. Людям приходилось фактически заново учиться читать и писать, усваивая новую, непривычную манеру чтения и письма – слева направо. Видимо поэтому первоначально были созданы буквари комбинированные, в которых одновременно использовалось две графики – латинская и арабская. Сохранился один из таких букварей – «Зурлар өчен яңалиф сабаклары» («Уроки яналифа для взрослых»), подготовленный Ш. Рамазановым и Х. Махмудовым и опубликованный в Саратове в 1931 г. На латинской графике излагался основной материал, а на арабской – методические рекомендации и правила [38].

В рассматриваемый период изменилась не только графика, изменились и сами буквари. Отныне почти все они были иллюстрированы. Но рисунки в большинстве своем были однотипными, отображавшими результаты социалистического строительства в городе и на селе. Большое место занимали иллюстрации, изображавшие новые, советские праздники – 1 мая, 7 ноября, а также их описание.

Содержательно буквари рубежа 1920-х – 1930-х гг. были очень похожи на своих более ранних советских предшественников. Национальный уклад жизни, сельское хозяйство, школа оставались основными темами этих учебных изданий, однако по существу многие тексты и иллюстрации были далеки от реальной действительности. Они призваны были продемонстрировать достижения советской власти, прежде всего, в области улучшения условий жизни и быта крестьян. В изображаемых на страницах этих букварей колхозах было много сельскохозяйственной техники, имелись хорошие школы, детские сады, магазины. Все это совсем не соответствовало тем реалиям, которые сложились в тогдашней деревне в результате принудительной коллективизации, раскулачивания и тотального вывоза зерна. Сельское население Татарской Республики испытывало острую нехватку продовольствия, по существу граничившую с голодом.

Некоторые рисунки переходили из одного букваря в другой, правда в этом случае часто менялись и их отдельные персонажи, и сюжетные линии в целом. Так, на примере двух изданий букваря «Яңа ил» («Новая страна») М. Курбангалиева и Г. Сафиуллина – 1930 и 1931 гг. – можно проследить, как от года к году изменялись визуальные тексты букваря. Букварь 1930 года начинался с достаточно традиционного для такого рода учебников рисунка, изображавшего семью в домашней обстановке. Все члены семьи заняты повседневными, домашними делами: отец чинит хомут, мать шьёт, дети (их трое) играют.

На первый взгляд, в этой картине нет ничего необычного. Но интерьер, в который вписаны эти тривиальные события, абсолютно нов. На переднем плане на стене висит портрет Ленина, комната обставлена европейской мебелью. При этом все члены семьи одеты в национальную одежду, а у женщины на ногах лапти. Кажется, что этим людям очень некомфортно среди непривычной и «чужой» для них «городской» да еще и «советской» обстановки. Однако совершенно очевидно, что автор рисунка целенаправленно пытался совместить в нём «старое» и «новое», «сельское» и «городское» [36, б. 7]. В издании же 1931 г. эта же семья возвращена в привычные для татарской сельской семьи условия – в маленький сельский дом, без каких-либо портретов, европейской мебели и электричества [37, б. 3]. Таким образом, иллюстрации букварей в этот период еще сохраняли специфические национальные черты, возможность возврата к ним и попыток сохранения, но постепенно ситуация изменялась.

В 1930 году в ТАССР было введено всеобщее начальное образование. А результатом и следствием Постановления ЦК ВКП (б) от 5 сентября 1931 года стало восстановление в школах предметного обучения и возврат к звуковому методу обучения вместо метода целых слов [8, с. 43].

Первый татарский букварь, основанный на звуковом аналитико-синтетическом методе, был опубликован в 1933 году. Это был первый шаг на пути унификации и стабилизации учебников для национальной начальной школы. Букварь назывался «Элифба», что являлось прямым переводом слова «азбука» на татарский язык. Он неоднократно переиздавался на протяжении 1930-х гг. Авторами его были известные педагоги М. Курбангалиев и Х. Бадиги [30⁸]. Анализируя роль татарских букварей в развитии методики обучения грамоте, Ф. И. Ибрагимов писал в 1969 году о том, что этот букварь был разработан «с учетом конкретных задач строительства социализма в СССР и служил целям воспитания школьников в духе марксистско-ленинской идеологии» [8, с. 43–44].

И, действительно, данное издание представляло собой типичный учебник ранне-сталинского периода с многочисленными текстами о вождях и руководителях большевистской партии и советского государства – Ленине, Сталине, Молотове, Калининe, Ворошилове, Кагановиче. Именно эти люди стали основными героями татарских букварей 1930-х гг. Показательно то, что составители стремились максимально «очеловечить» образы большевистских лидеров, чтобы сделать их более понятными и хорошо запоминаемыми, что можно наглядно проследить на ключевых фигурах новой советской «мифологии», присутствующих в национальных букварях – фигурах Ленина и Сталина. В классе обязательно висят их портреты, на доске дети старательно выводят их имена. «Агиографические» тексты для детей о Ленине стали создаваться сразу после его смерти. Попали они и на страницы букварей. Уже в букваре 1928 года присутствует образ «родного» вождя – дедушки Ленина («Ленин бабай»), который очень любил детей и заботился о них, «во время отдыха играл с детьми и делал для них игрушки». Тексты повествуют не только о взрослом, но и о маленьком Володе – примере для подражания, который уже в пять лет научился читать и писать и хорошо учился в школе [39, б. 60–62].

⁸ К сожалению, первое издание этого букваря пока обнаружить не удалось.

Образ Сталина в букварях появляется позже, и он совсем иной. Великий вождь не водит хороходов с детьми вокруг ёлки, как Ленин, и не пьёт с ними чай. Если Ленин – это «друг» и «товарищ», то Сталин – «покровитель» и «защитник» детей. «Классическое» изображение Сталина с маленькой девочкой на руках должно было служить этому подтверждением, хотя особой теплоты и нежности со стороны вождя по отношению к ребёнку в этом рисунке не прослеживалось [30, б. 83].

Что касается отображения в букварях «национальных» сюжетов, то национальная специфика сохранялась лишь в отдельных, немногих деталях, в частности, в именах детей. Если в букварях начала 1930-х гг. колхозники и их дети еще продолжали одеваться в соответствии с национальной традицией [28; 29], то в букваре 1937 г. даже работница фермы была уже одета в простую рабочую, а не в национальную одежду [30]. Тем не менее, связь с национальной культурой до конца прервана не была. В том же учебнике 1937 г. было представлено много стихов Г. Тукая («Акбай», «Гали белэн кәжә» («Гали и коза») и др.), встречались тексты, заимствованные из дореволюционных букварей (например, о двух упрямых козлятах, столкнувшихся на мосту). В джадидских новометодных букварях дореволюционного времени часто печатался рассказ «Күзлек» («Очки»), или «Балалар күзлег» («Детские очки»). В сокращённом варианте он попал и в советский букварь. Звучал он так:

«Ребёнок увидел, как отец в очках читает книгу. Он сказал:

– Отец, я тоже, как и ты, хочу читать книгу. Купи мне очки!

Отец ответил:

– Хорошо, дитя, я тебе куплю детские очки.

И он купил ребёнку букварь» [30, б. 63].

Таким образом, хотя за прошедшие десятилетия «мир» взрослых и детей сильно изменился, в этом новом «мире» по-прежнему продолжали ценить школу и утверждать ценность грамотности и познания.

В букваре 1937 г. не было текста об общей советской родине, но присутствовал небольшой стих о родном многонациональном крае. Показательно, что Татарстан обозначался в нем термином «ил» («страна») [30, б. 74], что вполне объяснимо, поскольку даже в 1930-е гг. сама аббревиатура «ТАССР» употреблялась нечасто (даже в официальных документах того времени обычно встречаем «ТССР») и крайне редко республику называли автономной.

В 1920-е годы и самом начале 1930-х в школах Советской Татарии пользовались также и букварями, составленными для обучения по комплексной системе, пропагандируемой Главным учёным советом Наркомпроса СССР. В Казани первый букварь, составленный на основе комплексного метода обучения – «Кызыл юл» («Красный путь»), был опубликован в 1925 г. (о нем см. [8, с. 42–43]). Авторами его были М. Фазлуллин и Г. Нугайбек. С 1925 по 1930 год учебник переиздавался несколько раз. В Москве первые татарские буквари, составленные в соответствии с этим методом, были опубликованы еще в 1924 г. («Кызыл йолдыз» («Красная звезда») Ф. Агиева и Г. Тимербулата, «Эш һәм белеем» («Работа и знание») Х. Хайри и Ш. Саггарова. По мнению Ф.И. Ибрагимова, одним из самых серьёзных недостатков этих букварей было наличие в них довольно большого количества сложных слов, а также плохая увязка материала с комплексными темами [8, с. 42–43].

Некоторые буквари первоначально писались на арабской графике, часть из них затем были переведены на новый шрифт. Одним из таких букварей был «Совет мәктәбе» («Советская школа») Г. Тимербулата. Если в 1927 г. он вышел еще на арабском шрифте [43], то в 1928 г. – уже на латинице [44]. Новое издание сохранило свое прежнее название, однако содержание его сильно изменилось. Безусловно, на многих иллюстрациях букваря еще сохранились следы прошлой жизни. Дети и взрослые изображались в нем в национальной одежде, очень «традиционно» выглядела молодая мать у колыбели ребёнка и т. д.

В условиях ускоренной индустриализации страны и, исходя из её потребностей, букварь учил не только грамоте, но и арифметике. В учебник было включено много примеров и задач. Первоклассников учили складывать и вычитать, умножать и делить. Кстати сказать, это был не единственный татарский букварь, построенный по такому методу. Вплоть до появления унифицированных, стабильных букварей математические задачи и примеры занимали в этих учебниках далеко не последнее место [37; 39].

Среди татарских букварей на латинице выделялись детские и взрослые издания. Первый букварь на латинице для детей «Яңа элифба» («Новый букварь») Г. Нугайбека и М. Фазлуллина был напечатан еще в 1926 г. В 1928 г. был опубликован букварь Г. Нугайбека с таким же названием с плохими, некачественными рисунками [39]. Степень политизации этого букваря была не очень высокой. В нём присутствовало мало советской символики, из большевистских лидеров в текстах был представлен только Ленин, а из праздников – только 7 ноября.

Из текстов букваря видно, что учебник предназначался, прежде всего, для сельских детей. В букваре преобладали тексты о природе, о сельском хозяйстве, хотя многие рисунки и были связаны с городской жизнью. На одном из них босоногие мальчишки с сумками «букча» через плечо идут в школу. На другом изображён урок в первом классе. Дети сидят за партами, в просторном классе. Но это уже не босоногие мальчишки. Хотя рисунок и не вполне четкий, можно рассмотреть, что мальчики и девочки одеты примерно одинаково, хотя, как известно, школьной формы тогда еще не было. На шеях у них пионерские галстуки. Эта иллюстрация больше подходила для городской школы, нежели для села. Скорее всего, указанный букварь представлял собой одну из первых попыток создания единого татарского букваря для города и для деревни.

В букварях для детей в 1930-е гг. преобладали тенденции, заложенные еще десятилетием раньше. Так, по-прежнему большое внимание уделялось в них проблемам чистоты, гигиены и здоровья. Наиболее опасными болезнями, по мнению авторов татарских букварей, оставались оспа и трахома. В букваре «Яңа ил» тексты – и визуальные, и вербальные – сообщали о том, насколько серьёзным заболеванием может быть оспа. Достаточно типичным в этом смысле являлся сюжет о мальчике Тази, который испугался прививки и не сделал её. Он не только заболел сам, но также заразил и своего друга Батыра. У Тази от оспинок испортилось лицо, а Батыр к тому же остался глухим. Такие тексты должны были показать детям, насколько опасными могут быть болезни, если не лечиться и не придерживаться рекомендаций медиков [45, б. 59–61]. Причем букварь рекомендовал лечиться только у врачей и не пользоваться услугами знахарок. В одном из текстов заболевшему Булату помог колхозный доктор, а от старых способов лечения ему стало только хуже [45, б. 66–68]. В реальной жизни все было

иначе. Не каждое село имело собственного врача. Люди далеко не всегда могли воспользоваться услугами профессиональной медицинской помощи и потому продолжали пользоваться старыми проверенными веками методами и средствами народной медицины.

Тема детства и детского здоровья находила свое отражение и на странице букварей для взрослых. Например, букварь «Яңа ил. Авыл өчен» («Родная страна. Для села») Г. Дистанова и В. Борнаша (1930) не только пропагандировал колхозную систему в целом, но демонстрировал конкретные примеры улучшения бытовых условий сельчан. Одним из таких примеров были детские ясли. В чистом, просторном помещении молодая женщина в белом халате и платке ухаживала за детьми разного возраста [28, б. 13].

Букварь давал женщинам советы по уходу за маленькими детьми, которые выглядят вполне современными и поныне. Детей не рекомендовалось кормить ночью: «Ребенок, который не ест ночью, отдыхает сам и дает отдохнуть матери». Встречались и другие любопытные рекомендации для матерей. «Кормящей матери можно есть все, но необходимо не употреблять водку, пиво и другие спиртные напитки» [28, б. 86–88]. Вредными для детей букварь считал колыбель и детскую коляску «арба». Детей рекомендовали укладывать спать в чистой корзине с матрацем из сена [28, б. 88].

В 1930-е годы появились и первые буквари для детских садов. Один из таких букварей 1935 г. издания – «Беренче китап» («Первая книга») предназначался для детских садов и подготовительных классов школ. В букваре был показан быт горожан, а не сельских жителей. Появились в нем и новые детские имена, ранее у татар не употреблявшиеся – Марат, Мара, Рим, Римма. Ни один из текстов букваря не носил «национальный» характер и не был связан ни с Советской Татарией, ни с культурой татарского народа. Это был типичный, унифицированный советский букварь 1930-х годов [35].

Буквари для взрослых занимали особое место среди всего комплекса татарских учебников того времени. С реформированием шрифта казанские татары мгновенно оказались неграмотными. В связи с этим печаталось большое количество букварей для «школ грамоты». Обучение в этих школах состояло из нескольких ступеней или классов: 1. подготовительный класс; 2. основной класс; 3. выпускной класс; 4. класс для сдающих экзамены экстерном [32, б. 13]. Программы составлялись с учётом уровня подготовки учащихся. В первом и втором классах преподавали только родной язык и арифметику. В выпускном классе добавлялось еще два предмета: природоведение и обществознание [32, б. 8–9]. Русский язык не входил в программу обучения таких школ. Взрослые «школьники» учились читать не только по текстам букварей, но используя также плакаты, вывески, периодическую печать и книги. Взрослым давали, в первую очередь, навыки обращения, заполнения и создания наиболее распространённых в повседневной жизни той поры делопроизводственных и нарративных документов – расписок, доверенностей, анкет, личных писем [31, б. 10–11].

Можно предположить, что в 1930-е гг. продолжали пользоваться и букварем «Кызылармеец элифбасы» («Букварь для красноармейцев») [42]. К сожалению, сам букварь на латинской графике не сохранился. Но в 1930-е годы несколько раз было переиздано методическое пособие к этому букварю [41]. Судя по нему, этот букварь в 1930-е гг. был существенно переработан. Появились темы, которых раньше не было, да и не могло быть:

«Социалистическая промышленность», «Сельское хозяйство по-социалистически», «Первая и вторая пятилетка» и др.

Автор методических указаний Ш. Саттаров считал, что красноармейцам необходимо объяснить важность грамоты: «Почему красноармеец должен уметь читать и писать? Вот почему: он должен быть не только политически грамотным и культурным бойцом. Каждый красноармеец обязан знать, за что, за кого и с кем он воюет, и знать своих классовых врагов» [41, б. 3–5]. Таких методических пособий и рекомендаций к различным букварям в 1930-е гг. было опубликовано немало. Они не менее интересны, чем сами буквари, потому что дают дополнительную информацию о программах и методах обучения. Одно из методических пособий, например, сообщает о том, что во время голода 1931 года было запланировано выделить 5 миллионов рублей на обучение латинице 1 миллиона человек [32, б. 29]. Руководство страны ставило политические задачи превыше всего, что, в частности, наглядно подтвердила кампания по латинизации татарской письменности.

К середине 1930-х гг. татарские буквари утратили специфические национальные черты. Они стали однотипными и практически не отличались уже от большинства советских букварей этого периода. Учебники, как и раньше, совмещали две функции: образовательную и воспитательную. Однако национальные культурные традиции были заменены новой советской идеологией.

В 1939 г. татарский язык постигла новая «графическая революция». Принятое 13 марта 1938 г. постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» было «облегчено» поспешным (в случае с советской Татарией – трехмесячным!) переводом национальных языков на кириллицу. 2 января 1939 г. бюро Татарского обкома ВКП (б) постановило «принять к руководству и исполнению» решение Политбюро ЦК ВКП (б) от 30 января 1938 г. о переходе на кириллицу, а уже 7 апреля 1939 г. приняло постановление «О переходе татарского латинизированного алфавита на новый, основанный на русской графике алфавит» [2, с. 298], содержащее конкретные меры по его реализации [24, с. 13]. 5 мая 1939 г. указом Президиума Верховного Совета ТАССР кириллический алфавит был утверждён в качестве основного и единственного алфавита татарского языка. Причём введение алфавита на основе русской графики обосновывалось стремлением «удовлетворить многочисленные ходатайства трудящихся татар, рабочих, колхозников, интеллигенции» [24, с. 200]. Среди создателей нового, русифицированного татарского алфавита был и М. Х. Курбангалиев – автор и составитель многих татарских букварей, в том числе и «Алифбы» на латинице, изданной в 1937 г.

Подготовка к будущей войне, воспитание населения в героико-патриотическом духе, повсеместный поиск врага – истинного и мнимого (Решением Оргбюро ЦК от 9 июня 1938 года был ликвидирован Союз эсперантистов СССР, а сам язык объявлялся потенциально опасным в связи со своей пригодностью для использования «в шпионской и контрреволюционной работе»), необходимость постоянной борьбы с западным «капиталистическим окружением» и изоляции советского человека от «тлетворного влияния Запада» придавали кириллице неоспоримое преимущество перед выполнившей свои политические задачи латиницей.

Общественно-политическая ситуация в стране в 1939 году была такая, что о возможных дискуссиях, а уж тем паче о прямом несогласии с директивами властей не могло быть и речи. Официально переход был осуществлен организованно и быстро. Как писал Б. Ф. Султанбеков, «выступили два профессора, опубликовали письмо передовой учительницы и решение педагогического совета училища. Все они доказывали неоспоримые преимущества кириллицы перед «яналифом». На том и порешили» [20, с. 137].

Татарское население вновь нужно было переучивать. Изданные за предшествовавшее десятилетие тысячи учебников, в том числе и букварей, на латинской графике оказались ненужными. В качестве сроков перевода на кириллицу были установлены 1939–1940 гг., причём обучение детей в первых классах всех татарских школ новому алфавиту должно было начаться уже с 1 сентября 1939 г. [11, с. 554]. Однако сразу перейти на новую графику, в особенности в повседневных практиках, оказалось попросту невозможно. Об этом, в частности, свидетельствуют письма солдат и офицеров – татар с фронтов Великой Отечественной войны: часть из них была написана на латинице, некоторые – даже на арабском шрифте (см. [9])⁹. Известно, что не все татарские писатели и поэты сразу приняли новый алфавит: так, например, знаменитые «Моабитские тетради» Мусы Джалиля были написаны на яналифе и арабским письмом.

Дети подчас наивно просили учителей обучить их, наряду с новым, и прежнему, арабскому письму, но в ответ, как правило, слышали лишь отказ – никто из педагогов не хотел быть обвинённым в «контрреволюционности» и «отсталости»¹⁰. Поэтому часто детей обучали арабской графике тайно, дома¹¹. Поколение, которое успело получить образование на арабской графике, пользовалось ею в быту и в переписке долго, иногда до конца своей жизни. Учителя татарского языка – современники событий рассказывали о том, что вынуждены были учить детей вначале арабскому алфавиту, затем яналифу, затем татарскому письму на основе кириллицы, но между собой и со своими бывшими учениками, владевшими арабским письмом, обычно переписывались, используя арабскую графику¹². Что и понятно – арабская графика исторически традиционно лежала в основе письменности и культуры татарского народа, и потому её нелегко было искоренить.

Подводя итоги, отметим, что перевод языков тюркских народов СССР, в том числе и татарского языка, на яналиф явился чрезвычайно широкомасштабным и смелым экспериментом советской власти. Начало его пришлось на период существования «горячей», «динамичной» советской Культуры – культуры, не боящейся экспериментировать и смело бравшейся за любые, подчас весьма рискованные и непредсказуемые преобразования в жизни советского общества. Осуществленная «графическая революция» явилась свое-

⁹ Дед Д. М. Галиуллиной Шайхилислам Насретдинов (1910 г. р.) письма с фронта писал как на латинской (жене Гильмибаян, 1919 г. р.), так и на арабской графике (сестре Сафиябану, 1905 г. р.).

¹⁰ Гильмибаян Насретдинова вспоминала, что они с одноклассницами просили школьного учителя обучить их дополнительно арабской графике, на что он сказал: «Подрастите немного, а то вы еще маленькие». Очевидно, что это была лишь простая отговорка.

¹¹ Именно так, по ее словам, обучилась арабской графике бабушка Д.М. Галиуллиной Ркия (1920 г. р.), кото-рая свободно владела всеми тремя видами письма.

¹² Об этом рассказала авторам статьи со слов своей бабушки, заслуженной учительницы РСФСР Сахиб-Камал Абдулхаковой (1898–1981), С.Ю. Малышева.

образным отражением и продолжением революции политической, причем облачённой в свойственные для такой Культуры революционно-романтические постулаты, лозунги и формы: избавляясь от «изжившего себя», «религиозного» арабского шрифта, тюркоязычные народы Советской России разом и навсегда должны были освободиться от всего того «отсталого», «устаревшего», «контрреволюционного», «местнического», что было с ним связано, и устремиться в светлое общечеловеческое коммунистическое завтра, вооружившись «передовым», «интернациональным» латинским письмом. Советские буквари на латинице, в том числе и татарский национальный букварь, были выстроены в полном соответствии с этими установками и правилами.

Какие бы аргументы ни приводили советские экспериментаторы в области национальной культуры в пользу латиницы, всегда было ясно одно: политика однозначно довлела над наукой и являлась истинной движущей силой всех проводимых лингвистических преобразований. Несмотря на известный лозунг о многообразной по форме и единой по содержанию советской национальной культуре, форма эта легко приносилась в жертву содержанию. И о какой бы «антиколониальной» и «антирусификаторской» сущности латиницы ни шла речь в рассуждениях партийных пропагандистов и отдельных представителей национальной интеллигенции, по существу своему это был «унификаторский» проект советской имперской политики, облекавший единое содержание в единую, унифицированную «графическую» форму.

Тем не менее, он нёс в себе и некий творческий импульс, никак не укладывавшийся и прямо противоречивший концепту «холодной» сталинской Культуры. И потому в 1930-е годы с латиницей было покончено: советское государство, с точки зрения власти, отныне уже не представляло угрозы для нерусских народов страны, это было «их», «родное» государство, а кириллица лишь укрепляла «братскую дружбу» народов СССР. Единое имперское советское политическое пространство, освоенное и присвоенное советскими субъектами-подданными, подразумевало и наличие единого графического языкового поля, а также и достаточно единообразных (и немногочисленных) букварей, приобщавших к нему учащихся – и больших, и маленьких.

Попытка перейти на латиницу, предпринятая в Татарстане на рубеже 1990-х – 2000-х годов, несмотря на, казалось бы, разнообразные аргументы ее сторонников, по существу также имела под собой совершенно очевидные политические основания. Далеко не все сторонники новой латинизации заявляли о них прямо, сознательно избегая политической риторики.

Пожалуй, наиболее откровенно политические доводы сторонников новой латинизации алфавита сформулировал в одной из своих публикаций татарстанский журналист Т. Бареев. Он назвал свою статью в республиканской газете «Молодёжь Татарстана» следующим образом: «От лингвистического колониализма к лингвистическому суверенитету» [3, с. 157–160]. Действительно, усиливавшийся политический суверенитет Татарстан стремился подкрепить «суверенитетом графическим». Однако тенденция, направленная на укрепление вертикали власти в России, положила конец этому начинанию. 15 января 2002 года Государственная Дума РФ внесла поправку в государственный Закон «О языках народов РФ», установившую кириллицу в качестве графической основы всех государст-

венных языков республик Российской Федерации. А в ноябре 2004 г. Конституционный суд РФ отклонил попытку властей Татарстана изменить графическую основу татарской письменности. Единое графическое пространство вновь встало на стражу единого пространства – государственного и политического.

В ходе борьбы за вторую латинизацию татарского алфавита опыт 1920-х гг. оказался вновь востребованным. По крайней мере, на него неоднократно ссылались и ее сторонники, и ее противники, а экспериментальные татарские буквари на латинской графике были подготовлены очень быстро – уже в 2000 году, т.е. менее чем через год после принятия соответствующего постановления. Сложившиеся политические условия прямо сказались на содержании и оформлении новых латинизированных татарских букварей – этнокомпонент в них был резко усилен.

Однако сопоставлять издания конца 1920-х – 1930-х и 2000-х годов было бы и некорректно, и непродуктивно: они создавались в абсолютно разных исторических и общественно-политических условиях и ставили перед собой совершенно разные цели и задачи, за исключением, пожалуй, одной – научить читать и писать, что неизменно делало букварь, вне зависимости от всех «графических революций» и «алфавитных войн», всегда необходимой и «вечной» книгой.

Список литературы:

1. *Алиев, У.* Победа латинизации – лучшая память о Агамалы-Оглы / У. Алиев // Культура и письменность народов Востока. – 1931. – Кн. 7/8. – С. 25–26.
2. *Байрамова, Л. К.* Кириллица // Татарская энциклопедия. – Т. 3.
3. Молодёжь Татарстана. – 1994. – 15–21 июля // Языковая политика в Республике Татарстан. Документы и материалы (80–90-е годы). – Казань, 1999. – С. 157–160.
4. *Беликов, В. И.* Социоллингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М., 2001.
5. Трагедия сторонника «латинизации» (Дело Гаяза Максудова) (1930 г.) / Р. К. Валеев, Л. Сулима, Е. Уткин // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1998. – № 1/2. – С. 125–136.
6. *Гарипова, З.* Заглядывая в прошлое / З. Гарипова // Языковая политика в Республике Татарстан. Документы и материалы (80–90-е годы). – Казань, 1999.
7. *Ерунов, Б.* История повторяется... / Б. Ерунов // Казанские истории. – 2005. – № 5–6.
8. *Ибрагимов, Ф. И.* Развитие методики обучения татарской грамоте и буквари : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1969.
9. *Иванов, А. Ю.* Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник (по материалам Республики Татарстан) / Антон Юрьевич Иванов : дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2009.
10. История Татарстана : учеб. пособие / под ред. Б. Ф. Султанбекова. – Казань, 2001.
11. Культурное строительство в Татари (1917–1941 гг.). Документы и материалы. – Казань, 1971.
12. *Мударисова, А. К.* Реформирование татарского алфавита в 1920-е – 1930-е гг. : дис. ... канд. ист. наук / Алсу Кариповна Мударисова. – Казань, 2001.

13. Первый Всесоюзный тюркологический съезд // Новый Восток. – 1926. – № 12. – С. 334–341.
14. Поливанов, Е. Д. За марксистское языкознание / Е. Д. Поливанов. – М., 1931. – С. 73–94.
15. Сальникова, А. А. «Свои» и «другие»... Ребенок и его окружение в татарском национальном букваре «Алифба»: конец 1960-х – 2000-е годы / А. А. Сальникова // «И спросила кроха...» Образ ребенка и семьи в педагогике постсоветской России: учебники по словесности для начальной школы 1985–2006 гг. : коллективная моногр. / под ред. Н. Б. Баранниковой и В. Г. Безрогова. – М. : Тверь, 2010.
16. Сахарных, Д. М. Латинизация: очерк из истории удмуртской письменности / Д. М. Сахарных // Евразийское пространство глазами молодых, или новое поколение о... Альманах школы молодого автора. – М., 2002. – С. 97–106.
17. Сообщение Г. Ибрагимова о тюркологическом съезде и о позиции татарской делегации по вопросу латинизации алфавита // ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 2. – Д. 20. – Л. 169–171; Д. 19. – Л. 177.
18. Султанбеков, Б. Ф. История Татарстана: страницы секретных архивов / Б. Ф. Султанбеков. – Казань, 1994.
19. История Татарстана. XX век. 1917–1995 гг. IV ч. : учеб. пособие для общеобразоват. заведений / Б. Ф. Султанбеков, Л. А. Харисова, А. Г. Галямова. – Казань, 1998.
20. Султанбеков, Б. Ф. Трагические судьбы / Б. Ф. Султанбеков, С. Ю. Малышева. – Казань, 1996.
21. Тагиров, И. Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана / И. Р. Тагиров. – Казань, 2008.
22. Латиница / В. Х. Хаков, Г. С. Сабирзянов, А. М. Ахунوف // Татарская энциклопедия. Т. 3. – Казань, 2006.
23. Шараф, Г. О реформе шрифта : доклад на Всесоюзном тюркологическом съезде в г. Баку // Стенографический отчет Стенографический отчет съезда. – Баку, 1926.
24. Языковая политика в Республике Татарстан. Документы и материалы (20–30-е гг.) – Казань, 1998.
25. Языковая политика в Республике Татарстан: политико-правовое регулирование. – Казань, 2006.
26. Агеев, Ф., Кызыл йолдыз / Ф. Агеев, Г. Ибраһимов. – М., 1924. – 80 б.
27. Алексеев, И. Яңа авыл / И. Алексеев, Г. Шәрәф. – Казан, 1926. – 120 б.
28. Борнаш, В., Дистанов, Г. Яңа ил. Авыл өчен. – Казан, 1930.
29. Борнаш, В., Дистанов, Г. Яңа ил. Зурлар элифбасы (авыл өчен). – Казан, 1930. – 95 б.
30. Бәдиги, Х., Корбангалиев, М. Элифба. – Казан, 1937. – 88 б.
31. Зурлар арасында укый – яза белмәүчелекне бетерү мәктәбенең берләштерелгән программасы. – М., 1931.
32. Зурларның гомум белем бирү мәктәпләрендә тикшерү һәм чыгарылыш сынаулары турында инструкция. – Казан, 1935.

33. *Ибраһимов, Г.* Беренче тюркология съезды / Г. Ибраһимов // Безнец юл. – 1926. – № 1/2 – Б. 1–3.
34. *Ибраһимов, Г.* Беренче тюркология съезды нэрсэ бирде? / Г. Ибраһимов // Безнец юл. – 1926. – № 3 – Б. 1–3.
35. *Корбангалиев, М, Сафин, Д., Шакирова, Г.* Беренче китап. Балалар бакчасында һәм мәктәпнең хәзерлек классында грамотага өйрәнү өчен. – Казан, 1935. – 64 б.
36. *Корбангалиев, М.* Яңа ил. Казан / М. Корбангалиев, Г. Сәйфуллин. – 1930.
37. *Корбангалиев, М.* Яңа ил. Казан / М. Корбангалиев, Г. Сәйфуллин. – 1931.
38. *Мәхмүтов, Х.* Зурлар өчен яңалиф сабаклары / Х. Мәхмүтов, Ш. Рамазанов. – Саратов, 1931. – 56 с.
39. *Нугайбек, Г.* Яңа әлифба. – Казан, 1928. – 83 б.
40. *Рәмиев, С.* Безгә тәкъдил вә ислах хөрүф кирәкме? эллә бөтенләй тәбдил үк кирәкме? / С. Рәмиев // Идәл. – 1911. – 5 июня.
41. *Саттаров, Ш.* «Кызыл Армия» әлифбасы белән укытыр өчен кулланма. – Казан, 1933. – 29 б. һ. б.
42. *Саттаров, Ш.* Кызылармеец әлифбасы. – М., 1925. – 62 б.
43. *Тимербулат, Т.* Совет мәктәбе / Т. Тимербулат. – М., 1927. – 121 б.
44. *Тимербулат, Г.* Совет мәктәбе / Г. Тимербулат. – Казан, 1928. – 95 б.
45. *Яңа ил.* Балалар әлифбасы. – Казан, 1930. – 122 б. һ. б.

Интернет-журнал
«Проблемы современного образования»
2012, № 5